

ВОСПОМИНАНИЯ

DOI 10.24411/2076-8176-2019-14002

Четверть века с Ю.И. Полянским

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ekolchinsky@yandex.ru

Воспоминания автора статьи о встречах и сотрудничестве с выдающимся учёным, педагогом и организатором науки Юрием Ивановичем Полянским, активно участвовавшим в борьбе с лысенкоизмом и сыгравшем ключевую роль в преодолении его последствий в школьном образовании. Особое внимание уделено совместной работе над коллективной монографией «Развитие эволюционной теории в СССР: 1917–1970-е гг.», подготовке и проведению конференций, посвящённых К.М. Завадскому, Ч. Дарвину, Ф.Г. Добржанскому и другим выдающимся отечественным и зарубежным биологам-эволюционистам, а также созданному ими общегородскому семинару по эволюционной биологии.

Ключевые слова: Ю.И. Полянский, К.М. Завадский, эволюционная теория, коллективная монография, конференции, семинары.

Имя Юрия Ивановича Полянского я узнал задолго до личного знакомства с ним.

Выпущенная под его редакцией книга «Современные проблемы эволюционной теории» (Берман и др., 1967) стала одним из основных источников моего знакомства с этой новой для меня — студента третьего курса философского факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (ЛГУ), — областью знания. Написанный им там раздел «Изменчивость и наследственность и их связи с эволюционным процессом» (там же, с. 7–52) о генетических предпосылках эволюции содержал к тому же данные об эволюции генетических систем, имевшие прямое отношение к выбранной мной теме курсовой работы исключительно из-за завораживающего названия «Эволюция эволюции». Что под ним кроется, я тогда плохо понимал, а руководители моих курсовых работ (К.М. Завадский) и диплома (А.М. Миклин) не могли

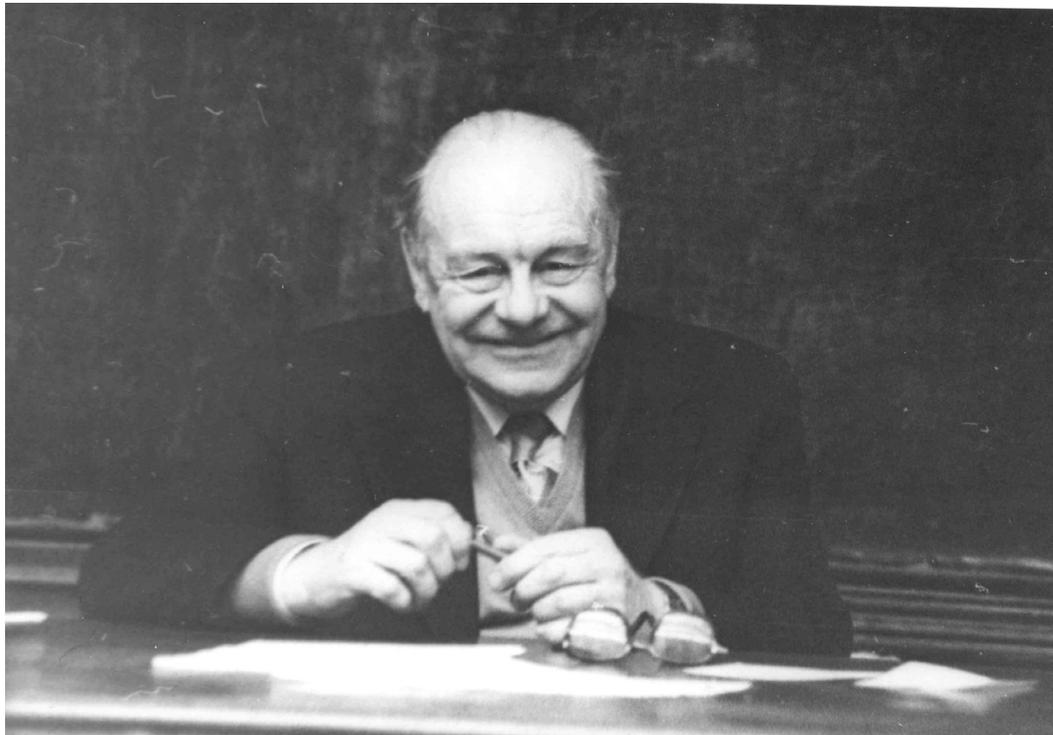

Рис. 1. Ю.И. Полянский. На семинаре кафедры зоологии беспозвоночных. ЛГУ, 1978
(из коллекции С.И. Фокина)

Fig. 1. Yu.I. Poljansky. At a seminar of the Department of Invertebrate Zoology. LSU, 1978
(from collection of S.I. Fokin)

мне это доходчиво объяснить. Кое-какие ответы на мучившие меня в то время вопросы я как раз и нашёл в этой работе Ю.И. Полянского. Вот почему она вместе с книгами Дж.Г. Симпсона «Темпы и формы эволюции» (1948) и И.И. Шмальгаузена «Факторы эволюции» (1946) стала стартом не только при разработке проблемы «эволюции эволюции», но и сформировала основу моих представлений в области эволюционной теории. В дальнейшем были ещё десятки и сотни работ других замечательных отечественных и зарубежных исследователей, которые потребовали многое изменить в этих воззрениях, но в силу механизма импрессинга они уже все оценивались сквозь призму представлений, заложенных при чтении трудов этих трёх выдающихся учёных. Я рад, что знакомился с основами эволюционной теории по книгам Ю.И. Полянского, Дж.Г. Симпсона и И.И. Шмальгаузена, которые на тот день были наиболее современными и полными сводками в русскоязычном пространстве, загаженным псевдонаучными измышлениями лысенкоистов. Тогда я ещё не знал, что Полянский — профессор ЛГУ, где я учился, и, конечно, даже представить не мог, что десять лет спустя он станет моим учителем, редактором, советчиком.

Накануне Всемирного дня женщин в 1968 г. Ю.И. Полянский выступал на философском факультете оппонентом при защите кандидатской диссертации А.М. Миклина.

Об этом я узнал от руководителя моей курсовой работы К.М. Завадского и пришёл специально, чтобы увидеть легендарного для меня учёного. Полянский оказался высоким, немножко сутулился, но выглядел массивно, производя впечатление чего-то очень породистого. Видно было, с каким уважением, даже неким подобострастием, относятся к нему члены Учёного совета философского факультета, помнящие, видимо, его со времен ректорства. Позднее я встречал его несколько раз на общегородских семинарах по эволюционной теории в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ), на конференциях и юбилейных заседаниях, посвящённых памяти Б.Е. Райкова, и всегда поражался его энциклопедическим знаниям в различных отраслях биологии и глубокой заинтересованностью новейшими открытиями в них. Со временем мне стало понятно, что он занимает особое место в мировом научном сообществе не только из-за фундаментальных работ в области протозоологии, где им была сформирована подлинная научная школа, но и благодаря активной гражданской позиции, уникальным организаторским способностям, высоким моральным качествам и готовностью прийти на помощь каждому, в ней нуждающемуся и её заслуживающему. Без преувеличения и пафоса можно сказать, что в 1960—1980-х гг. Полянский был честью и совестью отечественной биологии и пользовался огромным авторитетом среди учёных, хотя должности занимал не столь уж высокие. В те годы он был заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных в ЛГУ, заведующим лабораторией простейших в Институте цитологии АН СССР (ИНЦ), президентом Всесоюзного протозоологического общества и т.д. Но все помнили его многолетнюю непреклонную позицию в борьбе с Т.Д. Лысенко, снискавшую ему особое уважение среди биологов, переживших то ужасное время. Не случайно на Августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 г. разъярённые лысенкоисты с ненавистью повторили фамилию Ю.И. Полянского 7 раз, в том числе и в заглавном докладе Т.Д. Лысенко (Столетов и др., 1948, с. 23). Особенно неистовствовал И.И. Презент — главный идеолог мичуринской биологии и правая рука Т.Д. Лысенко, которого Ю.И. Полянский, будучи и.о. ректора ЛГУ, попытался уволить (там же, с. 509—510). Но после сессии ВАСХНИЛ со всех постов уволили самого Полянского. Он предпочёл безработицу, а затем многолетний отъезд из Ленинграда, работу на морской станции «Дальние Зеленцы» на севере, а затем в Петрозаводске, но от убеждений своих не отказался. В Ленинград Полянский окончательно вернулся только в 1955 г. Когда умер его учитель В.А. Догель, его ученики, среди которых были будущие члены АН СССР (например, Б.Е. Быховский и А.В. Иванов), признали, что именно Ю.И. Полянский должен унаследовать кафедру, которую до Догеля ещё ранее занимали В.Т. Шевяков и Н.П. Вагнер.

Потомок старинного дворянского рода Случевских, Ю.И. Полянский получил прекрасное образование, хорошо знал основные европейские языки, а французским владел в совершенстве, что позволило ему в 1960/61 г. в течение семестра читать лекции в Сорбонне, что по тем временам было уникальным случаем¹. Он глубоко знал и чтит европейскую культуру, сам входил в мировую научную элиту. Это нисколько не мешало ему быть подлинным патриотом нашей страны. Будучи проректором Ленинградского Государственного педагогического института им. А.И. Герцена (ЛГПИ), а также заведующим двух кафедр в ленинградских вузах, Полянский имел все права на бронь,

¹ Данные биографии Ю.И. Полянского приводятся по его рассказам и по посмертно изданным воспоминаниям (Полянский, 1997). Нашему научному сотрудничеству посвящено немало страниц и в моих воспоминаниях (Колчинский, 2014).

но в первые дни войны ушёл на фронт добровольцем, проведя всю блокаду Ленинграда на Невском пятачке, ставшем символом мужества и героизма защитников города.

Вернувшись с фронта, он с энтузиазмом включился вновь в научно-преподавательскую деятельность и, будучи учителем от бога, воспитал десятки кандидатов и докторов наук. Полянский был любимцем многих поколений ленинградских студентов, его лекции по зоологии привлекали сотни людей, а небольшое заикание придавало особый шарм всему, что он говорил, а говорил он ярко, образно, эмоционально. Юрий Иванович обладал исключительно правильной русской речью, усвоенной ещё в дореволюционной России. Ораторские способности, искренняя преданность науке, широкий научный кругозор и уважительное отношение к студентам обеспечивали ему широкий приток талантливых и интеллигентных учеников. Созданная им школа протозоологов была одной из лучших в мировом сообществе и успешно развивалась его учениками (И.Б. Райковым, Л.Н. Серавиным, А.В. Янковским, Д.В. Осиповым), а теперь уже учениками его учеников (С.И. Фокиным, С. О. Скарлато, С.А. Карповым и др.). Сам Юрий Иванович трепетно относился к памяти своего учителя В.А. Догеля, много сделал для её сохранения.

Он оказался и прекрасным организатором науки, создателем ряда научных академических учреждений, включая Институт биологии Карело-Финского филиала АН СССР и ИНЦ, в котором после смерти Д.Н. Насонова он исполнял обязанности директора. Тогда Ленинградский обком КПСС не дал согласие на утверждение непокорного профессора на эту должность. Несколько раз М.В. Келдыш предлагал создать для Ю.И. Полянского Институт протозоологии, но тот сказал, что за создание института возьмётся только после того, как станет действительным членом АН СССР. Его мотивация была следующая: «Я служил в армии и знаю, что такое чиновничество. Если я не буду академиком, ни один чиновник в Президиуме АН СССР даже разговаривать со мной не станет». М.В. Келдыш, знавший это не хуже Ю.И. Полянского, дважды выделял для него ставку академика по специальности «протозология», но лысенкоисты, заседавшие в Отделении общей биологии, блокировали это избрание.

В январе 1970 г. Ю.И. Полянский пришёл на торжественное заседание, посвящённое 60-летию юбилею моего научного руководителя кандидатской диссертации К.М. Завадского, где выступал очень тепло и проникновенно. Видно было, что за их плечами долгие годы сотрудничества и дружбы. Со временем я понял, что в основе их взаимной симпатии лежали не только общие научные интересы, но и сходство происхождения и воспитания (см.: подробнее: Колчинский, 2013, с. 27, 35, 53–59, 63 и др.). Их семьи были знакомы ещё до революции. Дед К.М. Завадского, Михаил Ромулович Завадский, будучи сенатором, ведал образованием, а после революции участвовал в организации Пролетарского политехникума на базе бывшего Александрийского лицея, разрабатывал основы советского среднего образования. Отец Ю.И. Полянского, Иван Иванович Полянский, педагог и популяризатор естествознания, занимал заметное место в Министерстве народного просвещения до 1917 г. и в Наркомпросе после революции. Сотрудничал И.И. Полянский и с дядей К.М. Завадского — профессором Казанского университета, зоологом Александром Михайловичем Завадским. Сам К.М. Завадский, вероятно, знал Ю.И. Полянского с детских лет, так как одна из дач М.Р. Завадского и дача И.И. Полянского находились рядом на Чёрном море в Туапсе. После революции мать К.М. Завадского — Вера Алексеевна, происходившая из аристократических кругов, работала в ЛГПИ секретарем на кафедре, которой заведовал Ю.И. Полянский.

У него К.М. Завадский прошёл практикум по зоологии беспозвоночных и прослушал курс лекций по генетике. По рассказам Ю.И. Полянского, на практикуме по зоологии он обратил внимание на склонность Завадского к теоретизированию, сочетаемую порой с игнорированием фактов. В результате Завадскому пришлось несколько раз пересдавать практикум, пока Полянский не смог поставить ему со спокойным сердцем «отлично». Как видно, ни авторитет дяди А.М. Завадского, ни дореволюционные межсемейные связи Завадских и Полянских никак не повлияли на принципиальность экзаменатора. Позднее К.М. Завадский обрёл ближайшего друга, единомышленника в области эволюционной теории и соратника в борьбе с лысенковщиной в лице брата Ю.И. Полянского — Владимира Ивановича Полянского (Колчинский, 2013, с. 83, 89, 129, 134, 147–151 и др.). Хотя К.М. Завадский был ботаник, а Ю.И. Полянский — зоолог, их многое объединяло в научном отношении. Оба были убеждёнными сторонниками и пропагандистами синтетической теории эволюции (СТЭ), придерживались универсальной концепции вида, считали учение А. Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена о прогрессе важнейшим для понимания эволюции.

К.М. Завадского и Ю.И. Полянского объединял также глубокий интерес к истории и философии науки. Они оба считали и историю, и философию необходимыми для понимания актуальных проблем теоретической биологии. Будучи активно работавшим биологом-экспериментатором и читая обширные курсы лекций в ЛГУ, Полянский на моей памяти сделал десятки докладов по истории биологии и подготовил серию блестящих очерков-портретов выдающихся отечественных и зарубежных учёных, содержательные обзоры по истории зоологии, истории биологии в ЛГУ и т. д.

Завадский был младше Ю.И. Полянского на шесть лет и относился к нему с огромным почтением и уважением. Это было не просто отношение ученика к своему учителю, а преклонение перед маэстро. Иногда, когда мы с Завадским готовили какой-нибудь документ, который согласился подписать Полянский, Кирилл Михайлович говорил: «Так не пойдёт. Нужно закончить ярко, чётко, по Полянскому». Действительно, у Полянского был потрясающий язык — видимо, сказывались гены поэта К.К. Случевского, который был дядей его матери.

После смерти брата Ю.И. Полянский взял на себя нелегкий труд и ответственность за титульное редактирование книги «Современные проблемы эволюционной теории» (Берман и др., 1967), которая, по мнению лысенкоистов, была катехизисом буржуазной биологии. Как рассказывала мне редактор этой книги Ф.И. Кричевская, Полянский очень ответственно относился к редактированию, проверяя каждую сноску в главах других авторов. У него была огромная библиотека, позволявшая внести уточнения, не выходя из дома. После выхода в свет этой книги Завадский называл Ю.И. Полянского «королём эволюционной теории», хотя сам Юрий Иванович не раз мне говорил, что в области эволюционной теории он дилетант и любитель, а единственная область, в которой он кое-что понимает, это протозоология. Я не раз с любопытством наблюдал, как гордый шляхтич Завадский, способный резко возразить и чиновнику из ЦК КПСС, и вице-президенту АН СССР, разговаривая по телефону с Юрием Ивановичем, непрестанно кланялся трубке. И, положив её на рычаг, не сразу приходил в обычное состояние. Видно было, что он и в 65 лет робеет перед Полянским.

Таким образом, мой учитель К.М. Завадский и Ю.И. Полянский были связаны разнообразными социальными, научными и личными интересами, что наверняка определило изначально его доброжелательное отношение ко мне. Тем не менее наша первая личная встреча оказалась не очень приятной для меня. В январе 1973 г. Завад-

ский попросил его дать отзыв на мою статью для периодического сборника «Историко-биологические исследования». Юрий Иванович дал краткий положительный отзыв, но при встрече сказал, что разочарован тем, что в статье почти ничего не сказано о попытках описать особенности эволюции у растений и простейших, хотя, с его точки зрения, это важнейший путь к постановке и решению проблемы эволюции эволюции. В принципе, я с ним был согласен, но, смущённый резкостью устных замечаний, что-то ответил о невозможности «объять необъятное» и моей полной некомпетентности в вопросах протозоологии. Однако замечания его я запомнил, и, когда мы в 1974 г. с Кириллом Михайловичем готовили к печати книгу «Эволюция эволюции», я взял на себя труд подготовить раздел о частных теориях эволюции растений и простейших. Мои некоторые натурфилософские ошибки при создании такой теории у растений исправил Кирилл Михайлович, а за исправлением таковых же по простейшим я отправился к Полянскому. К моему удивлению, исправлений было немного. Более того, Юрий Иванович вызвался вставить несколько абзацев о структуре вида у простейших, и глава приобрела вполне приличный вид (Завадский, Колчинский, 1977, с. 187–194). Так началось моё содружество с Полянским, продолжавшееся более 18 лет и дающее мне право считать его также своим учителем. Многие навыки бережного отношения к биологическим трудам и осторожного изложения их содержания, а также сдержанности в философско-теоретических рассуждениях я почерпнул, прежде всего, у него.

При жизни Завадского это содружество осуществлялось при его участии. Завадский договаривался с Полянским, а я был связывающим звеном между ними. Так произошло весной 1975 г. Накануне вышла книга А.Е. Фурмана «Диалектическая концепция развития современной биологии», выпущенная издательством «Высшая школа» и получившая от Министерства высшего и среднего специального образования гриф учебного пособия для университетов. Завадский организовал заседание, в котором ведущие биологи и философы, включая Ю.И. Полянского, выступили единым фронтом и потребовали от Министерства снять гриф «учебное пособие» с книги, противоречащей современной биологии и содержащей нелепые формулировки и ошибки фактического характера. Чтобы вынудить Министерство признать выпущенный учебник негодным, необходимы были выступления крупных биологов в центральных журналах, но ни «Журнал общей биологии», ни «Вопросы философии» не готовы были опубликовать подобные материалы без сигнала свыше. Тогда был разработан и реализован следующий план. Редактором главного партийного журнала «Коммунист» недавно был назначен будущий академик АН СССР философ В.Г. Афанасьев, которому были не чужды проблемы биологии; он даже написал книгу о целостности живых систем. По согласованию с ним, академик АН СССР Е.М. Лавренко и член-корреспондент АМН СССР А.Г. Кнорре подписали подготовленное Я.М. Галлом и А.С. Мамзиным письмо, в котором резко протестовали против попыток навязать студентам в качестве учебника модифицированный вариант лысенкоистских бредней. Письмо было направлено в журнал «Коммунист» и там опубликовано. С.М.Т. Ермоленко я подготовил обзор выступлений при обсуждении книги А.Е. Фурмана в Ленинграде для «Вопросов философии», где публикация уже прошла корректуру, но так и не была издана, якобы из-за мнения «кого-то где-то там на самом верху». По просьбе Завадского Ю.И. Полянский, как редактор учебника по общей биологии для средней школы, написал резкое письмо редактору «Вопросы философии», в котором возмущался занятой редколлегией журнала позицией. Как позднее мне рассказал Б.Г. Юдин, никакого указания сверху на самом деле не поступало. Редактор журнала И.Т. Фролов заказал обзор на всякий

случай. Если сверху поступил бы запрос, почему никак не отреагировали на выпуск халтуры, редколлегия бы ответила, мол, у нас готов материал, и мы его публикуем в ближайшем номере. А поскольку такого запроса не было, они решили остаться в стороне. «Журнал общей биологии», где авторитет Ю.И. Полянского был весом, напечатал аналогичный обзор, подготовленный мной с Т.М. Аверьяновой, без возражений (Аверьянова, Колчинский, 1975). По этому поводу я по поручению К.М. Завадского и Ю.И. Полянского разговаривал лично с главным редактором М.С. Гиляровым, который заверил меня, что никаких препятствий к публикации обзора нет. В конечном счёте Министерство признало свою ошибку и гриф официально убрали.

Будучи убеждённым сторонником теории естественно отбора, Ю.И. Полянский вместе с К.М. Завадским, П.М. Жуковским и А.С. Мамзиным добились переиздания работ Л.С. Берга, которые были исключены из плана редподготовки издательства «Наука» (Берг, 1977). В письме в Президиум АН СССР они доказывали, что в трудах Л.С. Берга есть немало положений, не учтённых в современной эволюционной теории. Книгу разрешили печатать, и её выход в свет был важным шагом к преодолению идейного единomyслия в советской эволюционной биологии.

Незадолго до смерти К.М. Завадского вышла наша совместная с ним книга «Эволюция эволюции» (1977), которая вызвала ряд положительных откликов. Среди них была рецензия Ю.И. Полянского в «Журнале общая биология». Мне она представляется особенно важной для популяризации книги в биологическом сообществе. Я горжусь тем, что выдающийся протозоолог и генетик назвал её «значительным событием в научной биолого-эволюционной литературе» (Полянский, 1978, с. 312). Особенно интересным ему показался раздел, где эволюция эволюции анализируется на примерах возникновения хромосомного аппарата, митоза и мейоза, диплоидного состояния кариотипа, позволявшего накопление рецессивных мутаций, их перекомбинирование и гетерозис.

Ю.И. Полянский был глубоко опечален ранней смертью К.М. Завадского и старался всячески помочь созданному им научному коллективу, оказавшемуся в те дни в тяжёлой ситуации. Ботанический институт им. В.Л. Комарова, где мы оказались в 1975 г. из-за административного реформирования гуманитарных подразделений в Ленинграде, ставил вопрос о нашей ликвидации как непрофильного подразделения, а вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев ни за что не соглашался нас вернуть в ИИЕТ. Ю.И. Полянский организовал несколько коллективных писем в АН СССР и в директивные органы с требованием сохранить созданный Завадским уникальный коллектив. С тех пор он до конца жизни оставался для сектора подлинным «ангелом-хранителем», учителем, редактором, советчиком, принимая активное участие во всех наших мероприятиях и сборниках. И мы считали его как бы нашим внештатным идейным руководителем.

В марте 1979 г. состоялось грандиозное чествование Ю.И. Полянского в Главном актовом зале ЛГУ, который не мог вместить всех желающих поздравить любимого учителя в торжественной и тёплой обстановке. Накануне он был избран членом-корреспондентом АН СССР. К явно запоздалому признанию он отнёсся с юмором, назвав это в ответ на мои поздравления «ошибкой репликации», но принадлежностью к академической корпорации гордился. Чиновники же из обкома КПСС по-прежнему его не жаловали и старались унизить. Одним из таких мелочных укусов с их стороны стало присуждение ему к 80-летию ордена «Знак Почёта», хотя как участник войны, член-корреспондент АН СССР, выдающийся организатор науки и образования, имевший подлинно мировую известность, он заслуживал более высокую правительственную

награду. Это все понимали, и на юбилейном заседании в ИНЦ в марте 1984 г. об этой награде практически никто не упоминал.

6 января 1979 г. в ЛО ИИЕТ прошло памятное научное заседание, посвящённое годовщине со дня смерти К.М. Завадского, на котором Ю.И. Полянский сделал прекрасный доклад на тему «Учение о виде у простейших», который лежал в русле идей, развиваемых К.М. Завадским. Участвовал он и в других юбилейных мероприятиях, организованных сектором и посвящённых памяти В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, Ф.Г. Добржанского, И.И. Канаева, Б.Е. Райкова, которых он лично знал, глубоко чтит и охотно делился с нами своими воспоминаниями о них. Много он рассказывал мне о пережитом и в личных беседах, приоткрывая порой закулисы академической жизни. Делая это как-то всегда легко, с небольшой долей иронии и снисходительностью к людским слабостям.

Особое значимым для меня стало сотрудничество с Ю.И. Полянским в подготовке и редактировании коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР» (Колчинский и др., 1983), которая была задумана К.М. Завадским, но воплощать его замысел довелось мне. Мне было понятно, что без мощной поддержки одного из лидеров отечественной биологии все усилия по проекту, в котором должны были участвовать более 20 ведущих биологов, включая членов АН СССР, обречены на провал. Для биологов я оставался все же философом и соавтором знаменитого учёного по книге «Эволюция эволюции», а там всегда неясно, кто, что и как писал. Для самостоятельной работы над коллективной монографией мне нужна была поддержка со стороны признанного биолога, чтобы нейтрализовать критические замечания, возражения и предложения, которые неизбежно возникали бы со стороны других членов редколлегии и авторов, но были бы для меня неприемлемы. Предстояла сложная задача — привести к общему знаменателю 25 крупных и оригинальных творческих умов путём убеждения и редактирования. Это было в принципе невыполнимо без Ю.И. Полянского. И он при всей своей загруженности в ЛГУ и в ИНЦе согласился стать ответственным редактором книги вместе с директором ИИЕТ АН СССР С.Р. Микулинским. Но в постоянном контакте я работал именно с Ю.И. Полянским, часто встречаясь с ним на кафедре беспозвоночных в ЛГУ, а затем в его небольшом кабинете в ИНЦе. После его переезда на пр. Стачек мы обычно встречались у него на квартире, где он последние годы жил с семьей своей дочери. Со временем он становился со мной все более и более откровенным, но при этом никогда не выходя из классического образа университетского профессора.

Работа над коллективной монографией действительно оказалась непростой. Кому-то из биологов надо было рассказать, что такое историческая работа, другим переписать половину текста, третьих сократить, и притом так, чтобы не обиделись. Некоторые статьи приходилось редактировать по несколько раз, постепенно придавая им исторический характер. В итоге, на мой взгляд, получилась настоящая коллективная монография, где в каждой главе проводилась единая концепция. И здесь была

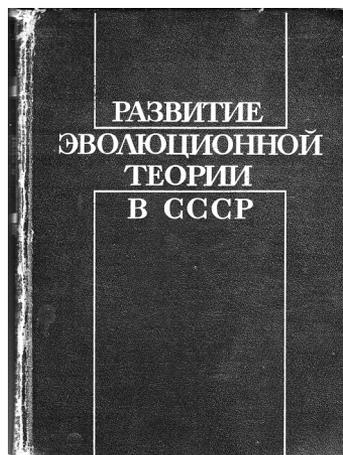

Рис. 2. Обложка сборника, 1983

Fig. 2. Cover of the collection, 1983

велика роль Ю.И. Полянского. Взяв на себя ответственность за научную составляющую книги, он внимательно прочитывал каждую поступившую главу, снабжая её комментариями и дополнениями.

С некоторыми авторами было очень непросто. Они не хотели «историзировать» работы, делая упор на современное состояние анализируемых проблем. Здесь приходилось действовать иногда хитростью, в максимальной степени усиливая историческую компоненту в изложении, а затем посылать авторам на согласование с сопроводительным письмом Полянского: я, мол, вынужден был сократить, исправить, отредактировать, вы уж не обессудьте. Многие, конечно, понимали, кто на самом деле столь бесцеремонно внёс правку, но возражать Юрию Ивановичу считали неэтичным, и все кончалось благополучно. Случалось, что автор соглашался с правкой, а затем при корректуре вдруг заявлял, что видит её впервые. Это были особенно сложные случаи, но, в конечном счёте, и их улаживали.

Ю.И. Полянский был жесткий и строгий редактор. Однажды досталось на орехи мне самому. Мы с ним должны были написать небольшую главу «Эволюция движущих сил эволюции». Я взялся подготовить основу на базе книги «Эволюция эволюции», в том числе и раздела о частной теории эволюции простейших, и получил подлинный нагоняй за то, что пошёл путем механического сокращения. Это привело к потере важных деталей, да к тому же я не использовал новейшие работы. На всю жизнь мне запомнилось и его разъяснение, чем отличается дилетант от специалиста. Суть его суждения была такова: «В принципе, они ничем не отличаются. И тот и другой ничего не знают, и оба ходят по лезвию бритвы. Но профессионал, зная границы своего невежества, режется редко, так как осторожен в суждениях, а дилетант все время срывается с лезвия и весь в крови». Этот раздел главы Полянский переписал заново, так как не мог поставить своё имя под публикуемым текстом, где ему что-то не нравилось (Колчинский, Полянский, 1983).

Но настоящие сложности возникли на заключительном этапе подготовки коллективной монографии, когда она уже была сдана в издательстве и прошла редподготовку. На стадии первой корректуры С.Р. Микулинский сел читать текст, и у него естественно появились вопросы, возражения и т. д. Он обнаружил некоторые политико-идеологические «изъяны»: обильно цитировались работы авторов, уехавших за границу во время последней волны эмиграции; был помещён портрет полуопального Н.В. Тимофеева-Ресовского; некоторые формулировки были не совсем корректными. К тому же в первой корректуре, как это часто бывает, встречались ошибки в датах, инициалах. Микулинский сказал, что не может в этих условиях быть ответственным редактором. Это означало, что книга никогда не выйдет.

В спасении публикации решающую роль сыграл Ю.И. Полянский, который максимально использовал свой авторитет для преодоления препятствий политиканского и бюрократического порядка. Полянский несколько раз разговаривал с С.Р. Микулинским, подтвердив ещё раз, что контролировал весь ход работы над книгой и полностью за неё отвечает. Ну, конечно, не всё одинаково хорошо, кое-что следует исправить, но книга очень нужна, полезна и т. д. Микулинский заверил, что был и остается почтительным учеником Полянского и, конечно, речь идёт не об исключении книги из плана, а лишь о доработке некоторых статей. Они договорились, что все вопросы будут сняты на заседании редколлегии, на котором присутствовали также Л.Я. Бляхер, А.Б. Георгиевский. Э.Н. Мирзоян и Л.В. Чеснова, но в основном шёл мой диалог с Микулинским. В течение восьми часов я отвечал на его замечания и вопросы, с чем-то соглашаясь, на что-то возражая, что его явно раздражало, и он становился все более

и более агрессивным. Присутствующие, кто с сочувствием, а кто с плохо скрываемым злорадством, притихли. И хотя спорить с начальником всегда неприятно, я не пасовал, так как Полянский дал мне карт-бланш действовать от его имени. В конечном счёте С.Р. Микулинский согласился взять на себя ответственность за выпуск книги и восстановил свою фамилию как титульного редактора.

Однако здесь встревожилось издательство «Наука», которое стало требовать, чтобы я принёс какую-либо недавно изданную книгу, в которой бы говорилось о вреде августовской сессии ВАСХНИЛ. Такая книга последний раз вышла в «Политиздате» (Дубинин, 1973) по специальному разрешению ЦК КПСС, хотя в воспоминаниях Н.П. Дубинина Т.Д. Лысенко скорее оправдывался, чем осуждался. Для остальных издательств действовало негласное указание ничего не писать о Т.Д. Лысенко и сессии ВАСХНИЛ. Мол, партия уже дала оценку этим событиям и зачем к ним возвращаться. Но все-таки мы с Полянским добились своего, и все нужные слова о погроме в области генетики были в книге оставлены. Уже перед сдачей книги в печать после третьей или четвертой корректуры, когда она наконец-то была подписана в Горлите, главный редактор издательства сказал, что сложилась непростая ситуация. С одной стороны, если книга не выйдет в первых числах января 1984 г., план издательства на 1983 г. не будет выполнен и коллектив останется без премий. С другой стороны, он не может взять на себя ответственность за возможный политико-идеологический резонанс от книги и поэтому просит, чтобы я в течение десяти дней представил положительную рецензию на неё ни от кого другого, как от вице-президента АН СССР Ю.А. Овчинникова. В условиях тогдашней Академии наук подобного разрешения можно было ждать годами, и то только в том случае, если кто-нибудь из академической бюрократии, приблизительно такого же ранга, как Овчинников, обратился бы к нему с подобной просьбой. Даже академики-секретари отделений, подведомственных Овчинникову, не всегда могли добиться от него приёма в течение двух недель, которые оставались до конца года, по более важным проблемам, что уж говорить о получении разрешения на выход идеологически и политически «опасной» книги. Понимая, что объяснить это главному редактору — значит книгу похоронить, я притворился, что не вижу в просьбе ничего удивительного, и ответил, что, по моим сведениям, Овчинников сейчас, в конце года, очень занят и в ближайшие дни я не смогу с ним встретиться для получения разрешения на публикацию книги. На самом деле я никогда бы не смог встретиться с ним по этому вопросу.

В качестве выхода я предложил дать книгу на рецензию директору Зоологического института АН СССР члену-корреспонденту О.А. Скарлато. Главный редактор согласился. По просьбе Ю.И. Полянского Орест Александрович быстро дал короткую, но доброжелательную и однозначно положительную рецензию. И книга вышла, став значительным научным событием в последние предперестроечные годы. Вопреки всем опасениям в партийно-идеологических кругах на неё никто не обратил внимания. Там все были озабочены совсем другими проблемами, возникавшими в условиях постоянных похорон и смен генеральных секретарей ЦК КПСС — по народному выражению, «гонок на лафетах». На книгу вышло несколько положительных рецензий у нас в стране и за рубежом, и до сих пор её часто цитируют.

Важным было и то, что эта книга продемонстрировала, что СТЭ — это не только продукт англо-американского сообщества биологов, как к тому времени стали писать некоторые историки биологии США и Англии. Вопреки крайне неблагоприятным условиям партийно-государственного контроля и доминирования лысенкоизма совет-

ские биологи внесли свой уникальный вклад в выработку современных представлений об эволюции живого. Конечно, цензурные рогатки, связанные с попытками преуменьшить антилысенкоистское звучание, потребовали исключения наиболее резких суждений. Но благодаря твёрдой позиции, занятой большей частью редколлегии, и особенно Ю.И. Полянским, в книге впервые с 1968 г. в условиях «развитого социализма» была дана резко критическая оценка и лысенкоизма, и августовской сессии ВАСХНИЛ (1948), и прямо сказано о вреде, нанесённом ими развитию отечественной биологии в целом и эволюционной теории в частности. Удалось отстоять в ней подробный анализ работ Р.Л. Берг, эмигрировавшей в США, и Н.В. Тимофеева-Ресовского, фотография которого тогда была впервые опубликована в СССР, а также рассмотрены эволюционные труды десятков репрессированных генетиков, экологов и др.

Тесное сотрудничество с Ю.И. Полянским открыло мне доступ к самым уважаемым биологам СССР. Они охотно участвовали в моих проектах. Сам Полянский продолжал поддерживать меня во всех начинаниях. В 1991 г. он откликнулся положительной рецензией на мою новую книгу «Эволюция биосферы» (Полянский, 1991).

Юрий Иванович был глубоко предан науке и с радостью встречал любое новое открытие, даже если оно опровергало его прежние взгляды. Именно так он встретил в конце 1978 г. открытие мобильных диспергированных генов. Как сейчас помню его горящий взгляд и воодушевление, когда он впервые рассказывал мне о них и о Б. МакКлинтон.

Ю.И. Полянский был далёк от часто встречающегося ныне типа учёных, уклоняющихся от дискуссий с авторами разного рода «новейших теорий эволюции», а тем более креационистами. По его инициативе мы с Я.М. Галлом и А.Б. Георгиевским в 1982 г. подготовили статью на эту тему для «журнала «Биология в школе» (Галл и др., 1982)². Он не считал, что «свобода научного творчества» даёт право под видом науки проповедовать натурфилософию и неоднократно опровергнутые спекуляции. Столкнувшись с подобными вещами, Юрий Иванович даже багровел и всей мощью своего таланта и темперамента обрушивался на новоявленных ниспровергателей основ современной биологии. Ещё до нашего сотрудничества с ним, выступая в организованной мной дискуссии по докладу палеоботаника и сторонника номогенеза С.В. Мейена в ЗИНе в 1974 г., он сказал, что хватит говорить о каких-то законах эволюции, пора сказать, что это за законы, и назвать хотя бы один из них. К сожалению, Сергей Викторович забыл здесь свой «принцип сочувствия» и ответил, что подобный призыв ему напоминает приём атеистической пропаганды: «Раз бога никто не видел, значит, его нет». Потом он публично в печати сожалел о своей глупости, ведь на самом деле был прав Полянский. В науке исследуется только то, что можно увидеть, измерить, представить или хотя бы выразить в словах и формулах. Все остальное не наука, а сфера религии, этики, политики и т. д.

² Именно в обсуждении с ним задач будущей статьи родилось название «Дарвинизм: история и современность». Он тогда мне предложил назвать её в английском духе «Darwinism today» и одобрил окончательный вариант. После проведения в ноябре 1984 г. конференцию под таким названием вторая его часть стала очень популярной. Около 30 лет её использовали для обозначения различных конференций, книг, сборников. Иногда дело доходило до нелепостей. Я однажды не смог добиться от автора одной рукописи, — какой смысл имеет название её рукописи — «Дореволюционные научные общества: история и современность».

Ещё резче Полянский обрушился на собравшихся в г. Тарту в сентябре 1984 г. агрессивных критиков дарвинизма (А.С. Антонова, С.В. Мейена, Ю.В. Чайковского и др.), не оставив камня на камне от их аргументации, повторяющей все то, что выдвигают против Дарвина вот уже 160 лет. В ноябре того же 1984 г. мы с Ю.И. Полянским организовали на базе ЛО ИИЕТ конференцию, посвящённую 175-летию со дня рождения Ч. Дарвина и 125-летию со дня выхода в свет его книги «Происхождение видов». При утверждении программы в обкоме партии, чем занимался учёный секретарь ЛО ИИЕТ Б.И. Иванов, была сделана попытка вместо Ю.И. Полянского предложить председателем Оргкомитета тогдашнего директора Института физиологии АН СССР В.А. Говырина. Официально это делалось из желания повысить статус мероприятия, так как предлагаемый кандидат был академиком и директором. Неофициально же Иванову было сказано, что Полянский неуправляем, идеологически не сдержан в речах. Мы, мол, его только что наградили орденом «Знак Почёта» к 80-летию со дня рождения, а он на юбилейных торжествах прошёл по советской цензуре, не дающей заниматься историей лысенкоизма. Но оргкомитет категорически отклонил это обкомовское соображение, указав, что предлагаемый ими кандидат никогда не занимался проблемами эволюции.

В конференции участвовали 400 биологов и историков науки из разных городов СССР. Ю.И. Полянский открывал конференцию и все три дня руководил ею. Среди докладчиков на конференции и авторов подготовленного по её материалам сборника «Дарвинизм: история и современность» (Полянский, Колчинский, 1988), где мы с Ю.И. Полянским были ответственными редакторами, участвовали как маститые учёные-биологи, так и историки эволюционной теории. Подбор участников семинара обеспечил сплав не только исторического и теоретического опытов, но и зрелости и молодости при рассмотрении широкого круга вопросов — от факторов микроэволюции до эволюции биосферы. Конференция выявила потребность в создании постоянно действующего семинара, на котором биологи разных специальностей могли бы обмениваться мнениями о проблемах эволюции.

В 1984 г. Ю.И. Полянский стал президентом одного из старейших научных обществ России — Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского) общества естествоиспытателей (СПБОЕ) — и вдохнул в него новую жизнь. Общество возродило прежние традиции поддержки начинающих исследователей, экспедиционной и издательской деятельности. Ю.И. Полянский познакомил меня со своим заместителем и преемником Арчилом Карпезовичем Дондуа, с которым мы тесно сотрудничаем более 30 лет и на праздновании 90-летия которого недавно я имел честь присутствовать. По предложению Ю.И. Полянского я создал при обществе секцию по эволюционной биологии, а позднее, в 1989 г., и общегородской эволюционный семинар.

Соучредителями семинара выступили Ленинградское общество естествоиспытателей, ЛО ИИЕТ АН СССР и Ленинградский союз ученых. Позднее к ним присоединилось

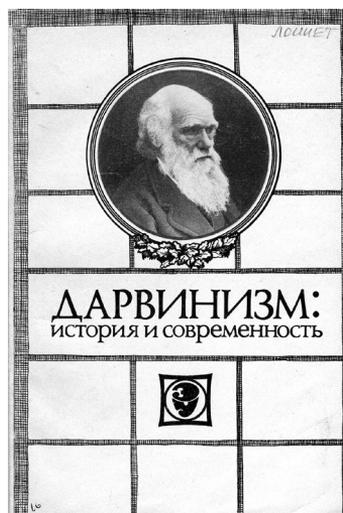

Рис. 3. Обложка сборника, 1988

Fig. 3. Cover of the collection, 1988

Ленинградское отделение Вавиловского общества генетиков и селекционеров. Организационное собрание семинара «Эволюционная биология» состоялось 22 мая 1990 г. в 133 аудитории биолого-почвенного факультета ЛГУ. На нём Ю.И. Полянский выступил с докладом «Традиции отечественного эволюционизма», а я рассказал о «Целях и задачах семинара по эволюционной биологии». Тогда же было сформировано бюро семинара, в которое, благодаря авторитету Юрия Ивановича, вошли крупные биологи-эволюционисты из ЛГУ и АН СССР (академики А.В. Иванов, А.М. Уголев, В.Л. Сви-дерский, проф. С.Г. Инге-Вечтомов, А.Г. Кирейчук, В.С. Кирпичников, Л.З. Кайданов и др. (Колчинский и др., 1995)). Сопредседателями семинара были избраны Э.И. Колчинский и Ю.И. Полянский, ученым секретарем — С.А. Орлов (Коротко..., 1991). Будучи сопредседателем семинара, Ю.И. Полянский не пропустил ни одного заседания, на которых делали доклады ведущие биологи-эволюционисты и историки биологии: М. Адамс, Дж. Арчибальди, К. Бенсон, Дж. Бирх, Д. Вайнер, Э.И. Воробьева, Н.Н. Воронцов, Н.В. Глотов, М.Д. Голубовский, И.А. Захаров, С.Г. Инге-Вечтомов, Л.З. Кайданов, Л.И. Корочкин, К. Коен, Б.М. Медников, Л.Н. Серавин, Я.И. Старобогатов, Л.П. Татарин, Э.С. Терехин, Д. Тодес, А.М. Уголев, В.В. Хлебович, Ю.О. Чернов, Н.Н. Цвелев и др. (Колчинский и др., 1995)).

Полянский был образцом пунктуальности, все делал в срок. Первый раз он меня поразил в начале 1979 г., когда я попросил его дать отзыв на большую статью для коллективной монографии. Надо сказать, что отзывы Полянский писал и печатал сам на портативной машинке «Москва». Дело было в январе. Как всегда, у него была запарка, и Полянский спросил о сроках. Я назвал желаемый срок получения 1 апреля, собираясь начать его беспокоить где-то ближе к маю. Как же я был удивлен, когда случайно его встретил 31 марта, и Полянский с огорчением сказал, что не ожидал меня увидеть, а то захватил бы отзыв, законченный накануне вечером! Надо ли говорить, что отзыв был подробный, с конкретными замечаниями и предложениями.

Даже к отзывам на авторефераты диссертаций Ю.И. Полянский относился очень ответственно. В 1986 г. один из учеников К.М. Завадского подготовил диссертацию по философским проблемам биологии и хотел получить отзыв Полянского. Тот сделал это крайне неохотно, так как не нашёл в ней ничего интересного с точки зрения биолога, и только после длительных уговоров согласился подписать отзыв вместе со мной.

По своей натуре Ю.И. Полянский был оптимистом и всегда занимал активную общественную позицию. Всю войну он служил в действующей армии и, демобилизовавшись, более 30 лет самоотверженно трудился в сфере науки и образования СССР. Вступив в члены ВКП(б), Полянский признавал марксистскую философию и считал методологию диалектического материализма полезной для биологии. Тем не менее он сразу принял демократические преобразования в нашей стране и был одним из основателей Ленинградского союза учёных позднее Санкт-Петербургский — СПбСУ, призванного стать первой независимой неправительственной организацией сотрудников академических и отраслевых институтов и вузов.

Юрий Иванович активно включился в восстановление трагической истории отечественной биологии, будучи максимально честным и откровенным в своих воспоминаниях и интервью. Хорошо помню его слова в Актовом зале ЛГУ о том, что сейчас легко выносить суждения о прошлых событиях: «А ведь тогда было просто страшно: не за себя или свою жизнь, а за то, что не выдержишь пыток и подпишешь нелепые признания, обрекая на мучительную смерть своих коллег, родных и близких». Из уст прошедшего всю войну человека, в личном мужестве которого никто не мог усомниться, это звучало особенно

трагически. Он со всей ответственностью подошёл к участию в проекте «Репрессированная наука», которым руководил М.Г. Ярошевский, попросивший меня курировать работу по истории биологии (Колчинский, 1991), дал очень информативное интервью нам с Л.В. Чесновой и К.О. Россияновым. Это был один из наиболее удачных опытов устной истории, столь новой в освобождающейся от цензуры стране (Чеснова, 1991).

29 мая 1987 г. М. Руст совершил свой дерзкий перелёт на частном самолете из Германии и приземлился на Красной площади в Москве. На следующий день в Центральном доме литераторов проходило организованное Б.Г. Юдиным обсуждение истории советской генетики в художественных произведениях в первые годы «перестройки». Ю.И. Полянскому тогда было уже 83 года, у него было плохо с ногами, тем не менее он не смог отказаться от участия в этом обсуждении. Я ночевал у Б.Г. Юдина и по дороге в Дом литераторов заехал в Академическую гостиницу, чтоб помочь Юрию Ивановичу добраться к месту обсуждения. Он как раз читал газеты о происшествии с Рустом. Как боевой офицер, он был обескуражен тем, что наша граница оказалась столь прозрачна для немецкого летчика, и видел в этом происшествии начало развала государства. Тем не менее мы не стали углубляться в обсуждение этого вопроса, так как он хотел сосредоточиться на предстоящем выступлении. По-моему, оно было первым, задав совершенно новую тональность в обсуждении всего сталинизма. Со свойственной ему эмоциональностью Полянский произнёс: «Никогда история не простит Сталину убийство великого Вавилова» (Полянский, 1987, с. 118). Зал на минуту замер, ошеломлённый смелостью услышанного, тогда так никто ещё не говорил, а затем раздался шквал аплодисментов.

Трудно переоценить и его роль в организации первой советско-американской конференции в сентябре 1990 г., посвящённой 90-летию Ф.Г. Добржанского. Ключевой фигурой в её подготовке был ученик Ю.И. Полянского М.Б. Конашев. Сам Ю.И. Полянский знал Добржанского до его миграции, затем в течение многих десятилетий находился с ним в переписке, встречался и беседовал во время зарубежных командировок. Поддержка Полянского оказалась очень важной особенно на начальных стадиях проекта. На конференции Полянский выступил с кратким сообщением на английском языке, что для советских докладчиков тогда было не характерно.

За заслуги в борьбе с лысенкоизмом Полянский в 1990 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда. За несколько недель до смерти ему была присуждена только что учрежденная СПБСУ, СПБОЕ и СПБНЦ премия В.С. Кирпичникова — другого выдающегося борца с лысенкоизмом. Юрий Иванович гордился этой премией и в день её вручения 11 июня 1993 г. выступил в Малом зале Санкт-Петербургского научного центра РАН с блестящим, но, увы, последним докладом о частной теории эволюции простейших.

В то же время его глубоко тревожила ситуация в науке в начале 1990 г. За свою жизнь он пережил и страшный голод 1919 г., и блокаду Ленинграда. И в 1990-х проф. Полянского не страшили бытовые трудности. Но он не мог понять, почему «перестройка», которая изначально провозглашалась, в том числе, и во имя расцвета науки и образования, привела к тому, что в самом тяжёлом положении оказались, прежде всего, академические учреждения и вузы. А их сотрудники очутились буквально на грани физического выживания. Как-то осенью 1991 г. я был у него дома, и он мне сказал, что получил перевод из Молдавской ССР за переиздание его учебника по биологии для средней школы и что полученной суммы хватит как раз на покупку полкилограмма вареной колбасы. Он с возмущением отправил перевод обратно и попросил больше не оскорблять его подобными подачками.

Тревожила его и активность неокреационистов. По его предложению мы с С.А. Орловым написали статью «Надо ли возвращаться к креационизму» (1993) для журнала «Биология в школе» и попросили его быть соавтором, так как идея принадлежала ему. Он согласился только после долгих уговоров, дописав к нашей в целом историко-научной статье несколько страниц методико-педагогического характера (Полянский и др. 1991). В этом был весь Ю.И. Полянский. Он не мог ставить подпись под работой, где значительная часть текста не была бы им написана лично. Аналогичным образом он поступил в нашем резком отклике с Д.В. Лебедевым на статью Ю.В. Чайковского, представившего на страницах журнала «Вопросы истории естествознания и техники» в искажённом свете современную эволюционную теорию как в СССР, так и за рубежом (Колчинский и др., 1993).

Не раз Полянский говорил мне, что выступать всегда надо без бумажки и не больше 45–50 минут. Такой совет он получил ещё в начале научной карьеры от Ю.А. Филипченко, когда на семинаре Петергофского биологического института затянул свой обзор новых английских работ по конъюгации инфузорий на 1 ч 15 мин. (Полянский, 1997, с. 57). По словам Ю.И. Полянского, этот совет он запомнил на всю жизнь.

Я также обычно стараюсь придерживаться совета Полянского уже с поправкой на Э.А. Троппа³. Правда, с возрастом самоограничения даются всё сложнее и сложнее. Понимаешь, что время уходит, напоследок хочется всё сказать. Этим чувством, видимо, руководствовался сам Полянский, закончивший весной 1989 г. рукопись воспоминаний «Годы прожитые» и попросивший меня дать рецензию. Воспоминания и по стилю, и по содержанию были блестящими, я их «проглотил» быстро. Помимо официального отзыва я в разговоре указал Юрию Ивановичу на ряд ошибок в датах, последовательности событий, должностях упоминаемых лиц, названиях учреждений и т. д. Он согласился с замечаниями и предложил из рецензента превратиться в редактора. Мне трудно было отказать человеку, которого я считал одним из своих учителей и который на протяжении более чем двадцати лет помогал мне во всём. К счастью, Ю.И. Полянский понял доводы, согласно которым я как редактор-историк только испорчу книгу, превратив её из свидетельства участника прошлых событий в выхолощенный текст с выверенными датами и оценками событий, базирующимися не на личных воспоминаниях, а на литературных и архивных источниках. Далее начался кризис 1991–1995 гг., и выход книги затянулся. Пытался помочь её издать Александр Александрович Фурсенко, который в те годы был заместителем Ж.И. Алфёрова по СПбНЦ РАН. Он хорошо знал Ю.И. Полянского и прекрасно к нему относился. Его отец, Александр Васильевич Фурсенко, один из создателей отечественной микропалеонтологии, был в студенческие годы ближайшим другом Ю.И. Полянского, жена которого помогла выходить маленького Александра Александровича после смерти его матери вскоре после родов. Фурсенко даже достал деньги на издание этих воспоминаний в фонде «Культурная инициатива», но в условиях галопирующей инфляции они обесценились раньше, чем дошли до издательства, и книга Ю.И. Полянского увидела свет позже, изданная по гранту РФФИ (Полянский, 1997)⁴.

³ Напутствия меня перед выступлением на выездной сессии Президиума РАН в Санкт-Петербурге в сентябре 1999 г., главный учёный секретарь СПбНЦ РАН Э.А. Тропп сказал: «Эдуард Израилевич, 25 минут на выступление — и ни секундой больше. Тогда академики простят Вам любую глупость. А если доклад продлится больше 26 минут, не воспримут самую гениальную вещь».

⁴ Мне было приятно получить эту книгу в подарок с подписями Т.В. Бейер и Г.Г. Полянской: «Дорогому Эдуарду Израилевичу с благодарностью за неоценимую помощь в издании этой книги. 3 июня

Юрий Иванович не дожид до выхода в свет своих мемуаров, которые подготовила к печати его верная ученица и коллега Т.В. Бейер. Но на сегодняшний день это один из лучших образцов мемуарной литературы по истории отечественной биологии. В каждом его предложении чувствуется уникальность пережитого рассказчиком. Восприятие прошлых событий преломлено через его богатый жизненный опыт — от Первой мировой войны до распада государства, служению которому Ю.И. Полянский посвятил практически всю жизнь и много сделал для развития в нём науки и образования на мировом уровне. Как только книга вышла из печати, я подарил один экземпляр профессору Тюбингенского университета Дитриху Байрау, который в то время руководил большим международным проектом «Образованные слои при Гитлере и Сталине». Тогда все наши историки описывали советский период в тёмных и мрачных тонах. Байрау при мне прочитал книгу и был поражён в целом её оптимистическим звучанием. Он не мог понять, как человек, переживший революцию, гражданскую войну, блокаду Ленинграда, репрессии, мог сохранить такой оптимистический настрой. Но вот как раз в этом оптимизме в любой ситуации и заключалась главная особенность восприятия мира Ю.И. Полянским. Трезво оценивая происходящее, он никогда не терял надежды на будущее. В этом отношении характерен мой разговор с ним после одного заседания Учёного совета в ЗИНе. Я обратил внимание, что он плохо выглядит, и он с печалью ответил, что на днях похоронил свою старшую дочь. И неожиданно добавил, что одновременно родился его правнук. Как подлинный учёный, он принимал безжалостный, но естественный ход событий.

В сентябре 2018 г. мы с А.В. Самокиш, в круг обширных интересов которой входит и разработка научного наследия Ю.И. Полянского, подготовили конференцию «Четверть века без Юрия Ивановича Полянского». Так получилось, что до этого как раз четверть века я знал, а потом 18 лет сотрудничал с этим выдающимся учёным, педагогом и уникальным человеком. А в целом это две трети всей моей жизни, которые, так или иначе, связаны с ним и его творчеством. Да и вся моя научная деятельность в какой-то степени озарена его идеями. Он был в числе тех, кто прививал мне нормы и ценности науки. Я искренне благодарен судьбе, что она привела меня к К.М. Завадскому, а через него и к Ю.И. Полянскому. Но, с другой стороны, учителей в науке выбираем мы сами. Благодаря своему выбору мне удалось более полувека посвятить истории науки и эволюционной теории. И последние 50 лет я ни разу не пожалел о своём выборе.

Литература

Аверьянова Т.М., Колчинский Э.И. Об одном неудачном пособии по философским проблемам биологии. Обсуждение книги А.Е. Фурмана «Диалектическая концепция развития в современной биологии» // Журнал общей биологии. 1975. Т. 36. № 6. С. 957–961.

Берг Л.С. Труды по теории эволюции. Л.: Наука, 1977. 387 с.

Берман З.Л., Завадский К.М., Зеликман А.Л., Парамонов А.А., Полянский Ю.И. Современные проблемы эволюционной теории. Л.: Изд-во АН СССР, 1967. 489 с.

Галл Я.М., Георгиевский А.Б., Колчинский Э.И. Дарвинизм: история и современность // Биология в школе. 1983. № 1. С. 13–21.

1997 г. С.-Петербург». Мои заслуги сильно преувеличены, но я рад, что хоть чем-то способствовал изданию книги, которая вот уже более 20 лет является важнейшим источником по истории отечественной биологии, а по стилю и языку — образцом мемуарной литературы.

Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюции: историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 236 с.

Колчинский Э.И. Несостоявшийся «союз» философии и биологии (20–30-е гг.) // Репрессированная наука / Отв. ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 34–70.

Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. СПб.: Нестор-История, 2013. 319 с.

Колчинский Э.И. Так вспоминается... СПб.: Нестор-История, 2014. 571 с.

Колчинский Э.И., Конашев М.Б., Орлов С.А. Семинар по эволюционной биологии в Санкт-Петербурге // Вопросы истории естествознания и техники. 1995, № 1, С. 161–162.

Колчинский Э.И., Лебедев Д.В., Полянский Ю.И. История эволюционной биологии в королевстве кривых зеркал // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 160–168.

Колчинский Э.И., Микулинский С.Р., Полянский Ю.И. (ред.) Развитие эволюционной теории в СССР: 1917–1970-е гг. Л.: Наука, 1983. 614 с.

Колчинский Э.И., Полянский Ю.И. Эволюция движущих сил эволюции // Развитие эволюционной теории в СССР: 1917–1970-е гг. / Ред. — сост. Э.И. Колчинский; отв. ред. С.Р. Микулинский, Ю.И. Полянский. Л.: Наука, 1983. 614 с.

Колчинский Э.И., Полянский Ю.И. (ред.) Дарвинизм: история и современность. Л.: Наука, 1988. 232 с.

Коротко о событиях // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 160.

Полянский Ю.И. К.М. Завадский, Э.И. Колчинский. Эволюция эволюции: Историко-критические очерки проблемы. Л.: Наука, 1977. 236 с. // Журнал общей биологии. 1978. Т. 39. № 2. С. 312–314.

Полянский Ю.И. [Выступление]. Круглый стол. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 4. С. 118.

Полянский Ю.И. Идеи В.И. Вернадского в современном естествознании // Природа. 1991. № 2. С. 122.

Полянский Ю.И. Годы прожитые. Воспоминания биолога. СПб.: Наука, 1997. 255 с.

Полянский Ю.И., Колчинский Э.И., Орлов С.А. Надо ли возвращаться к креационизму // Биология в школе. 1991. № 4. С. 7–18

Симпсон Дж.Г. Темпы и формы эволюции. М.: Гос. изд. иностр. лит., 1948. 358 с.

Столетов В.Н., Сиротин А.М., Обьедков Г.К. (ред.) О положении в биологической науке: Стенографический отчёт сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. 1 июля — 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ. СЕЛЬХОЗГИЗ, 1948. 536 с.

Чеснова Л.В. Ю.И. Полянский и биология в Ленинградском университете (20–60-е гг.) // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 212–222.

Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). М.: Изд-во АН СССР, 1946. 396 с.

A Quarter of a Century with Yu. I. Poljansky

EDUARD I. KOLCHINSKY

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey Vavilov, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; ekolchinsky@yandex.ru

The author recalls his meetings and cooperation with the outstanding scientist, teacher and organizer of science Yury Ivanovich Poljansky, who actively participated in the fight against Lysenkoism and played a key role in overcoming its consequences in secondary school education. Particular attention is paid to the joint work on the collective monograph “Development of evolutionary theory in the USSR: 1917–

1970-ies.”, preparation and holding of conferences on K.M. Zavadsky, Ch. Darwin, Th.G. Dobzhansky and other outstanding domestic and foreign biologists-evolutionists, as well as they created a citywide seminar on evolutionary biology.

Keywords: Yu.I. Poljansky, K.M. Zavadsky, evolutionary theory, collective monograph, conferences, seminars.

References

Aver'ianova, T. M., Kolchinskii, È. I. (1975) Ob odnom neudachnom posobii po filosofskim problemam biologii. Obsuzhdenie knigi A. E. Furmana «Dialekticheskaia konfseptsiia razvitiia v sovremennoy biologii» [About one unsuccessful textbook on philosophical problems of biology. Discussion of A. E. Furman's book "Dialectical Concept of Development in Modern Biology"]. *Zhurnal Obshchey Biologii*, 35 (6), 957–961.

Berg, L. S. (1977) *Trudy po teorii èvoliutsii* [Works on the Theory of Evolution]. Leningrad: Nauka.

Bergman, Z. L., Zavadskii, K. M., Zelikman, A. L., Paramonov, A. A., Polianskii, Iu. I. (1967) *Sovremennye problemy èvoliutsionnoi teorii* [Modern Problems of Evolutionary Theory]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.

Chesnova, L. V. (1991) Iu. I. Polianskii i biologii v Leningradskom universitete (20–60-e gg.) [Iu. I. Polyanskiy and biology at Leningrad University (20–60-ies.). In: M.G. Iaroshevskii. *Repressirovannai nauka* [The Oppressed Science] (pp. 212–222). Leningrad: Nauka.

Gall, Ia. M., Georgievskii, A. B., Kolchinskii, È. I. (1983) Darwinizm: istoriia i sovremennost' [Darwinism: History and Modernity]. *Biologii v Shkole*, 1, 13–21.

Zavadskii, K. M., Kolchinskii, È. I. (1977) *Èvoliutsiia èvoliutysii: istoriko-kriticheskie ocherki problemy*. [Evolution of Evolution: Historical and Critical Essays of the problem]. Leningrad: Nauka.

Kolchinskii È. I. Nesostoiavshyisia «soiuz» filosofii i biologii (20–30-e gg.) [The failed "Union" of philosophy and biology (20–30-ies.). In: M.G. Iaroshevskii. *Repressirovannai nauka* [The Oppressed Science] (pp. 34–70). Leningrad: Nauka.

Kolchinskii, È. I. (2013) *Kirill Mikhaylovich Zavadskiy. 1910–1977*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia.

Kolchinskii, È. I. (2014) *Tak vspominaetsia...* [So I remember...]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia.

Kolchinskii, È. I., Lebedev, D. V., Polianskiy, Iu. I. (1993) Istoriia èvoliutsionnoy biologii v korolevstve krivyykh zerkal [The history of evolutionary biology in the kingdom of crooked mirrors]. *Voprosy Istorii Estestvoznaniia i Tekhniki*, 2, 160–168.

Kolchinskii, È. I., Mikulinskii, S. R., Polianskii, Iu. I. (Eds) (1983) *Razvitie èvoliutsionnoy teorii v SSSR: 1917–1970-e gody* [The Development of Evolutionary Theory in the USSR]. Leningrad: Nauka.

Kolchinskii, È. I., Polianskii, Iu. I. (1983) Èvoliutsiia dvizhushchikh sil èvoliutsii [Evolution of the motive forces of evolution]. In: È. I. Kolchinskii, S. R. Mikulinskii, Iu. I. Polianskii (Eds.) *Razvitie èvoliutsionnoi teorii v SSSR: 1917–1970-e gody* [The Development of Evolutionary Theory in the USSR: 1917–1970] (pp. 277–296). Leningrad: Nauka.

Kolchinskii, È. I., Polianskii, Iu. I. (Eds) (1988) *Darvinizm: istoriia i sovremennost'* [Darwinism: History and Modernity]. Leningrad: Nauka.

Polianskii, Yu. I. (1978) K. M. Zavadskii, È. I. Kolchinskii. Èvoliutsiia èvoliutsii. Istoriko-kriticheskie ocherki problemy. L.: Nauka, 1977. 236 s. [K. M. Zavadskii, E. I. Kolchinskii. Evolution of evolution. Historical and critical essays of the problem. L.: Nauka, 1977. 236 p.]. *Zhurnal Obshchey Biologii*, 39 (2), 312–314.

Polianskii, Iu. I. (1991) Idei V. I. Vernadskogo v sovremennom estestvoznanii [V. I. Vernadsky's ideas in modern natural science]. *Priroda*, 2, 122.

[Polianskii, Iu. I.]. (1997) Kruglyy stol. Stranišy istorii sovetskoy genetiki v literature poslednykh let [Round table. Pages of the history of Soviet genetics in the literature of recent years]. *Voprosy Istorii Estestvoznaniia i Tekhniki*, 4, 118.

Polianskii, Iu. I. (1997) *Gody prozhitye. Vospominaniia biologa* [Years lived. Memoirs of a biologist]. Saint-Petersburg: Nauka.

Polianskii, Iu. I., Kolchinskii, È. I., Orlov, S. A. (1991) Nado li vozvrashchat'sia k kreatšionizmu [Should I go back to creationism]. *Biologiya v Shkole*. 4, 7–18.

Simpson, G. G. (1948) *Tempy i formy èvoliušii*. [Tempo and Mode in Evolution]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury.

Stoletov, V. N., Sirotnin, A. M., Ob'edkov G. K. (eds) (1948) *O položhenii v biologicheskoy nauke: Stenograficheskiy otchet sessii Vsesoiuznoi akademii sel'skokhozhajstvennykh nauk im. V. I. Lenina. 1 iuliya — 7 avgusta 1948 g.* [The situation in biological science: Proceedings of the Lenin Academy of Agricultural Sciences of the USSR. Session July 31 — August 7, 1948. Verbatim report]. Moscow: OGIZ — CEL'KHOZGIZ.

Schmal'gauzen, I. I. (1946) *Faktory èvoliušii (teoriya stabiliziruiushchego otbora)* [Factors of Evolution. The Theory Stabilizing Selection]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.